

Марко Миссироли

ВЕРНОСТЬ

18+

**Ожидается экранизация
от NETFLIX**

Марко Миссироли

Верность

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Миссироли М.

Верность / М. Миссироли — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-115772-2

На живописных улочках Милана, где с легкостью можно заблудиться в лабиринте домов, ресторанов и чувств, разворачивается действие романа Марко Миссироли «Верность». Карло очень любит свою жену. Но у его студентки Софии трогательные ямочки на щеках, и Карло не может перестать думать о ней. Маргерита очень любит своего мужа. Но у ее физиотерапевта Андреа такие сильные руки, и Маргерита не может перестать думать о нем. В вожделении, признаниях, страхах и изменах они пытаются выковать свою жизнь, которая порой кажется бессмысленной, сложной и пугающей. Чего каждый из них желает на самом деле? И смогут ли они сохранить верность самим себе?

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-115772-2

© Миссироли М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Марко Миссироли

Верность

Посвящается Мадделене и Сильвии Миссироли

Заблуждения – вот что позволяет нам жить дальше¹.

ФИЛИП РОТ. Американская пастораль

- Твоя жена следила за мной.
- Моя жена?
- До самого университета. – София посмотрела на него. – Профессор?
- Он уставился на дверь аудитории.
- Кажется, она на улице.

Карло Пентекосте подошел к окну и сразу же узнал амарантовое пальто Маргериты – она носила его буквально со второго дня весны. Его жена сидела на каменном парапете и читала – все тот же томик Немировски, – скрестив ноги и придерживая свободной рукой рюкзак. Стояли последние мартовские дни, и весь Милан ни с того ни с сего окутало туманной дымкой.

Карло обернулся к студентам. София усаживалась и раскладывала вещи, блокнот и миндальные орешки во втором ряду. Благодаря тонким чертам и плавным движениям, смягчавшим выступающую линию бедер, она выглядела моложе своих двадцати двух лет. Сейчас она смотрела на него так же пылливо, как в кабинете ректора, куда их вызвали после того, как первокурсница застала их в женском туалете на первом этаже: он склонился над ней и ласкал то ли шею, то ли что-то еще – первокурсница путалась в версиях. Этого вполне хватило, чтобы по университету поползли слухи, будто у профессора Пентекосте интрижка с одной из студенток.

Забыв о лекции, он накинул куртку и спустился по лестнице. Замешкался в вестибюле и вернулся в туалет. Он заходил сюда, чтобы все объяснить сначала коллеге, а потом и ректору. И каждому дотошно показывал, как произошло то, что он окрестил недоразумением: вот он вошел в мужской туалет, помочился, вышел из кабинки, ополоснул руки и лицо, воспользовался сушилкой, и тут из женского туалета донесся грохот падающего тела. Дверь на женскую половину была приоткрыта, и он увидел свою студентку Софию Казадеи практически без чувств – что он подразумевал под «практически»? Склонившись над ней, он несколько раз позвал ее по имени, потом помог сесть, а затем и встать – тут он показал ректору, как именно, – ненадолго прислонив ее к стене в углу. Это длилось пару минут, не больше, потом девушка пришла в себя, и он помог ей умыться: первокурсницу он даже не заметил.

Прежде чем подойти к жене, он остановился и проверил мобильник: Маргерита не предупредила, что собирается зайти. Она все еще читала на парапете, когда он к ней подошел.

- Твое пальто видно за километр, – сказал он, кивнув на окно аудитории.
- Да вот, решила дать передышку сухожилию. Я как раз собиралась к тебе. – Захлопнув книгу, она поднялась. – Ты забыл это, – сказала она, протягивая флакон.
- Ты принесла мне лекарство от аллергии?
- Мне хватило твоего приступа на прошлой неделе.
- Не стоило так нагружать ногу.
- Я приехала на метро, – уточнила она, расправив капюшон его куртки. – На твоём месте сегодня я проводила бы занятия на улице. В тумане есть своя прелесть.

¹ Пер. В. Кобец.

– Кто же меня тут будет слушать? – Он приобнял ее за талию, как в день их первого знакомства, на ужине у сестры. Изгиб поясницы наводил на мысль о подтянутом теле. – Поднимешься? Мне пора начинать.

Маргерита обожала его руки, так непохожие на руки преподавателя. Он помог ей надеть рюкзак, и они вместе направились ко входу.

– Ты правда пришла сюда только ради...

– Я пришла, потому что пришла. – Кивнув на часы, она сделала ему знак поторапливаться.

Улыбнувшись, он зашел внутрь.

Как только силуэт Карло растаял на лестнице, Маргерита с поникшим видом прислонилась к стеклянной двери. Почему у нее не хватило смелости подняться с ним в аудиторию? Почему у нее кишка тонка, как говаривала мать, зайти внутрь и пройти в *тот* туалет? Почему сейчас ее трясло? Ей хотелось задержаться, однако усилием воли она заставила себя отойти от двери, вышла за ворота и застегнула пальто. Остановившись, она зажмурилась и попыталась зацепиться мыслями хоть за что-нибудь, чтобы не впасть в отчаяние: вспомнила о предстоящих пятидесяти минутах и ощутила себя другой. Другой, интригующей. А вспомнила она о записи «Физиотерапия» в еженедельнике, в перспективе сулившей приключение. Она это чувствовала и лелеяла в себе это средство от неуверенности, пока шла от университета к остановке такси. Нога беспокоила ее с самого утра. Зарождаясь в области лобка, боль растекалась почти до колена – это началось после пробежки в тренажерном зале три месяца назад. С тех пор пришлось пересмотреть свои привычки, и это отнюдь не доставляло ей радости: сменить каблуки на кроссовки, отказаться от осмотра квартир в домах без лифта, не бегать за детьми.

Достав телефон, Маргерита увидела сообщение от хозяйки квартиры на корсо Конкордия: «Дорогая Маргерита, я все подписала, теперь дело за вами», – и от сотрудницы: «Ключи у нас, можем выставлять на продажу». Был и пропущенный звонок от мамы. Она не перезвонила и так и стояла с телефоном в руке: в этот раз сдержавшись и не зайдя в «Фейсбук». Всякий раз, когда перед глазами возникала страничка Софии Казадеи, в голову лезли странные образы: кафе, где та работала, бар, в котором завтракала по утрам, район, в котором жила, – вот бы там побродить. Когда подошла ее очередь, она назвала таксисту адрес «ФизиоЛаб» на виа Капуччини, 6, откинулась на сиденье и закрыла глаза. Таксист предупредил, что придется объехать дорожные работы, Маргерита согласилась и перестала думать о чем бы то ни было. Иногда она поглядывала на мелькавший за окном город с его переполненными тротуарами и консьержками в парадных. Затем вспомнила о пропущенном вызове и перезвонила.

– Мама?

– Я как раз собиралась звонить сантехнику.

– Что случилось?

– Все этот, – она набрала побольше воздуха, – этот хренов бойлер!

– Кстати, здравствуй.

– Люблю я крепкое словцо, но твой отец говорил, что мат не для женского рта, – и умолкла. – Я звонила, чтобы спросить, что там с квартирой на корсо Конкордия.

– Мне только что ответили.

– Ну и как тебе?

– Там нет лифта, но в целом очень интересный вариант. Я свожу туда Карло, прежде чем выставлять ее в агентстве.

– А как нога?

– Что ты делаешь, когда тебя мучают подозрения?

– Я так и знала, что ты плохо себя чувствуешь.

– Что ты обычно делаешь в таких случаях?

– Какие именно подозрения?

- Просто подозрения.
- Подозрения – это улика.
- Мама, это же не «Один день в суде»!
- Это жизнь, моя девочка. Ты ничего не хочешь мне рассказать? – нерешительно добавила она.
- Я уже приехала. Пока.
- Доченька, – ее голос просветлел, – обо всех своих подозрениях ты сможешь поговорить завтра.
- Черт, только не это!
- Мама фыркнула:
- Ты уже полгода собираешься, я с таким трудом выбила для тебя время: 10:30, виа Виджевано, 18, кнопка F.
- Напомни, как тебе удалось меня на это уговорить?
- Туда ходил Дино Буццати. Заруби себе это на носу.
- А ты заруби себе на носу, что скоро день рождения моей свекрови.
- Я не пойду.
- Еще как пойдешь!
- Нет. А вот ты, как будет желание, забегай навестить свою мать.

После папиных похорон мама, не сомкнув глаз, три дня просидела в кресле, где он обычно читал по воскресеньям газету. Затем задалась вопросом: «Ну и для кого мне теперь готовить?» Некоторое время она избегала разговоров о человеке, который приучил ее к привычному распорядку, воскресным базарчикам, «Тексу Виллеру²» и сдержанности. Он любил тишину, и чтобы заглушить горечь утраты, Маргерите с матерью пришлось наполнить квартиру шумом: препираться по пустякам, звонить друг другу, не унывать.

Расплатившись с таксистом, Маргерита вышла напротив здания «ФизиоЛаб». Она вся покраснела от нетерпения. Открыла рюкзак и проверила, на месте ли купальник, гель для душа, полотенце и расческа. Назвав свое имя администратору, Маргерита прошла в раздевалку и натянула под шорты купальник – ей пришлось купить новый, как только она узнала, в чем состоит лечение, – завязала волосы и, прихватив телефон с наушниками, вышла из раздевалки с мыслью, что в последний раз ее косметолог сделала свою работу кое-как. Взяла бутылку воды – подарок центра – и прошла в реабилитационный зал. Пунктуальный Андреа был уже на месте. Пожав ей руку, поинтересовался, как нога, она по привычке ответила, что по-разному. Глухо стукнула перегородка, и она внутренне приготовилась к очередному сеансу в этом закутке наедине с серьезным двадцатилетним парнем, который пытался вылечить ее от почти хронического воспаления. Он махнул рукой в сторону кушетки, Маргерита коснулась пояса и посмотрела на Андреа, после его утвердительного кивка сняла шорты. Физиотерапевт взял прибор, приложил к внутренней поверхности бедра, поднялся к паху и прошелся по лобку с умеренной силой. Во время процедуры Маргерита обычно впивалась взглядом в край перегородки и старалась медленно дышать. Этого десятиминутного разогрева – так он это называл – ей как раз хватало, чтобы преодолеть смущение. Затем она расслаблялась. Твердость Андреа, его умелые руки и опущенный взгляд успокаивали ее. Она тоже смотрела в сторону, за исключением момента, когда он – как сейчас – откладывал прибор и задирали еще выше ее купальник: тогда Маргерита принималась искать в нем хоть малейшие признаки возбуждения, выходящие за рамки врачебной этики. Она пыталась уловить неуверенность в движениях его пальцев, ощупывающих лобок в поисках сухожилия. Большим, средним, иногда указательным пальцем он надавливал, будто нащупывал почву. На первом сеансе он подробно объяснил, как будет проходить лечение: снятие воспалительного процесса медицинскими приборами, лечеб-

² Текс Виллер – главный герой итальянского комикса «Текс».

ный массаж и комплекс упражнений в тренажерном зале. Потребуется двадцать пять сеансов, не считая контрольных осмотров и УЗИ, итого – две тысячи восемьсот двадцать евро. Она не могла или почти не могла себе этого позволить, поэтому попробовала было обратиться в городскую поликлинику, однако, отупев от сидения в очередях, пошла на сделку с совестью и остановилась на том, что ее отец назвал бы вариантом *попроще*. Проще было отвалить три тысячи за сиделку-физиотерапевта, проще было, не блистая в школе, подарить себе Interrail³, проще было с мозгами архитектора довольствоваться местом агента по недвижимости. Проще, вероятно, было принять терапевтические манипуляции за похоть.

И теперь, когда физиотерапевт касался ее с нужной силой в почти запретном месте, и она вот-вот собиралась сказать, где притаилась болевая точка, Маргерита вдруг вспомнила: муж, дверь туалета, здание университета под номером 5, первый этаж, женский туалет. Вот где притаилась *болевая точка*, не дававшая ей покоя вот уже два месяца. Увильнув, по привычке последних недель, от досаждавшей ей мысли, она решила взглянуть на это с другой стороны. Она – внимательная и заботливая дочь? А могла бы быть куда менее заботливой. Она – агент по недвижимости, не тративший время попусту между осмотрами объектов? А могла бы и тратить. Она – пациентка, которая не поддается соблазну трех опытных пальцев? А могла бы и поддаться. Всякий раз, вспоминая о том туалете, она *могла* отвлечься от подозрений, направив мысли в иное русло.

Андреа спросил, болит ли там, где он массирует. Чтобы воплотить фантазии в жизнь, стоило только произнести: немного правее. Помассировав правее, Андреа довел бы ее до оргазма, святые небеса. Однако она ответила:

– Немного левее.

Он сместился влево.

– К вечеру боль усиливается?

– Смотря в какой день.

– Ты делаешь упражнения?

– Смотря в какой день. – Она устроилась поудобнее. – В принципе, я послушная пациентка.

– Все так говорят.

– Все?

– А потом дают задний ход.

– В смысле?

– Проще уйти от проблемы, чем ее решить. – Он слегка надавил. – Тут есть уплотнение, чувствуешь?

Маргерита ничего не ответила. Она – одна из *тех* посетительниц центра: купленный по случаю купальник, жемчуг в ушах, квартира в центре, отнюдь не примерный муж – одним словом, послушная пациентка.

– Вижу, ты любишь свою работу.

Андреа уменьшил силу нажима.

– Хочу сказать, ты молодец. Тебе же часто это говорят?

– Бывает.

Отодвинувшись от нее, он обошел кушетку и принялся массировать ступню, неспешно продвигаясь вверх.

Маргерита ощущала, как он без спешки подбирается к паху, прорабатывая сухожилие сантиметр за сантиметром. Интересно, каков он в постели? Может, грубый, а может, неопытный. На какое-то мгновение она даже подумала о двух пустующих апартаментах, куда могла бы его привести: квартира на вьяле Саботино, 3, которую никто не хотел брать в аренду из-

³ «Интеррейл» – безлимитный билет на проезд между странами Европейского союза.

за слишком высокой стоимости услуг кондоминиума, и трехкомнатные апартаменты на виа Бадзини, 18 с небольшим джакузи.

– Немного правее, – удивившись сама себе, вдруг прошептала Маргерита.

Он помедлил:

– Правее?

– Чуть-чуть.

Он знал – правее нельзя. Кончиками пальцев он нащупал болевую точку и хорошенько ее проработал. Сместиться правее было рискованно, разве что самую малость: опустить мизинец, чтобы ощутить тепло, влажность и мягкую плоть, а затем сразу же убрать его, ни на секунду не прекращая работы. Он никогда так не поступал, хотя коллеги с серьезным видом показывали ему, как это делается. Как только на горизонте появлялась *интересная* пациентка с тендинитом, они расталкивали друг друга локтями, чтобы ее заполучить. Маргерита попала к нему из-за своей кажущейся неприметности. Милая, почти безлика. А вот тело таило в себе немало сюрпризов: дело было не только в гармонично развитых мышцах, гибких и сильных ногах, гладких бедрах, но и в том, как она приноравливала свое сухожилие, суставы да и всю себя для этих пятидесяти минут лечебных манипуляций. Он любил ее молчание, позволявшее ему сосредоточиться на работе, Маргерита производила впечатление человека, который то ни о чем не думает, то полностью погружен в свои мысли. Поэтому он избегал смотреть на нее, будто боялся спугнуть их ход. Он ощущал ее скорее обонянием: от нее исходил доселе незнакомый ему запах – почти молочный, – который исчезал лишь под струями душа.

Андреа взглянул на часы: оставалось еще пять минут. Помог согнуть ей ногу, спросил, где усиливается боль при сгибании, и понял, что нужно снять небольшую контрактуру около бедра. Положив лодыжку себе на плечо, он принялся массировать заднюю поверхность бедра, двигаясь вдоль мышцы. Почувствовав зажим, углубил нажатие. Маргерита застонала, как на первых сеансах, это походило скорее на мычание, чем на крик. «Потерпи», – сказал он и нажал еще раз, чтобы насладиться этим стоном. Значит, он такой же, как его коллеги? Андреа решил ускориться, пока не занемела рука. Затем опустил ногу на кушетку.

– Позанимайся на орбитреке. Потом Аличе сделает с тобой упражнения.

– Аличе?

– Сегодня мне нужно уйти пораньше. Увидимся завтра. Не нравится мне это воспаление.

– Завтра?

– Да, если можешь.

Она задумалась.

– Могу в девять. – Маргерита села и спустила ноги на пол. – Куда ты сегодня убегаешь?

Андреа уже убирал перегородку.

– Прости, конечно, это не мое дело, – продолжила она, натягивая шорты. – Просто свободные полдня в Милане – такая редкость.

– Да нет, я буду занят.

– Правда? – Маргерита смущенно улыбнулась. – Извини, это сильнее меня, – добавила она, направляясь мимо Андреа к орбитреку в тренажерном зале.

Андреа проводил ее взглядом, затем прошел в раздевалку. Быстро переоделся, и уже выходя из «ФизиоЛаб», не думал больше ни о Маргерите, ни о других пациентах. Прежде у него не получалось отключаться: он постоянно размышлял, как помочь клиентам, прикидывал, сколько времени уйдет на лечение, продумывал, как усовершенствовать процедуры. Затем мало-помалу научился выбрасывать все из головы. Престижные миланские улицы по соседству с виа Капуччини, столпотворение на корсо Буэнос-Айрес, жуткие пробки на окружной: Милан – трудный город. Определение *трудный* приклеилось к нему с самого детства. Трудный ребенок – мало говорит. Трудный ребенок – не слушает учителя. Трудный подросток – подрался с одноклассником. Трудный подросток – бросил свою собаку. Трудный парень – то не

встречается с девушками, то встречается, но не с теми. Трудный парень – Андреа Манфреди. В тот день, когда мама сказала, что ее сын такой же трудный, как и Милан, – только на первый взгляд, – Андреа осознал, как это здорово, когда тебя понимают.

Сейчас, прогуливаясь мимо виллы Инверниции с ее нереальными фламинго в фонтане, мимо роскошных, почерневших от смога зданий в стиле модерн, он свернул к Порто Венеция и шагнул в толпе среди геев, африканцев и непримечательных миланцев вдоль трамвайных путей, заросших свежей зеленью, по вьяле Пьяве, и хотел «быть как все». Пройдя около километра в своей почти пижонской манере – руки в карманах, плечи опущены, – он вышел к пьядца Триколоре и сел на девятый трамвай. Сошел на Порто Романа – в прошлом городской окраине, а нынче популярном районе. Тут прошло все его детство: родители вот уже двадцать три года держали газетный киоск напротив церкви Сант-Андреа. В этом киоске он отработал шесть лет кряду во время летних каникул и даже пару зим, чтобы заплатить за учебу. Он знал, как сделать так, чтобы газеты хорошо продавались, у него даже была своя философия оформления витрины: среди серьезных журналов вставлял «чужака» – то комиксы «Марвел», то иллюстрированный журнал о животных, то альбом Панини. Отец не вмешивался, но затем все переставлял. Он всегда все переставлял. Вот и сейчас склонился над ящиком с подержанными выпусками «Урании» по два евро и складывал их ровной стопкой.

– Я никуда не пойду, – сказал он, заметив Андреа.

– Вот старый упрямец! – Мама показала в дверях и кивнула сыну. Андреа придержал отца за руку и помог разогнуться. У того был затуманенный взгляд, и Андреа не отпускал его, пока мама передавала ему медицинскую карту с заключениями врачей.

– Жду от вас новостей.

Перейдя дорогу, они миновали церковь. Шли бок о бок, словно хотели согреться, тут старик опять заупрявился:

– Я никуда не пойду.

– Ты же ждал своей очереди целых два месяца.

– Ты совсем как твоя мать.

– Это просто осмотр.

– Да отстань ты!

– Ну, поступай как знаешь.

Так и было с тех пор, как посетители бара «Рок» нашли его на земле у киоска: он держался за левую руку и жаловался на боли в груди. Из больницы он вышел с тремя шунтами и заявлением, что, мол, Ватикан – это кардиналы, а не папа римский, «Интер» – футболисты, а не Моратти, и все это едва не отправило его на тот свет. Потом добавил: и киоск. Врачи ему не перечили, четырехчасовой сон угробил его сердечную мышцу. Поэтому теперь он спал на час дольше, не орал перед экраном во время трансляции «Спортивного воскресенья», не беспокоился по пустякам и не курил тайком мамины «Мальборо». Он перестал тревожиться о завтрашнем дне. Андреа справится сам. Мария справится сама. Ему оставалось теперь только одно: поступать так, как он считал нужным.

– Сходи на прием, и забудем об этом.

– Заведи себе собаку и отстань от меня.

Андреа шел за ним следом до самой скамейки у детской площадки. Они сели, из-за тумана солнце почти не проглядывало, поэтому отец застегнул рубашку до самого верха, джинсы были ему велики, и ноги в них болтались на манер маятника.

– Заведи немецкую овчарку и успокойся.

На скамейке напротив сидела девушка с кожаным рюкзаком на коленях, доставала оттуда что-то съедобное и клала в рот. Она показала Андреа чем-то расстроенной.

– Или маремму, – отец выпрямился и схватился за плечо.

– Сам заведи.

- Тогда отвяжись от меня. – Он потер плечо.
- Что с тобой?
- Засиделся в неудобном положении.

Андреа устался на свои ладони. Широкие и гладкие, безымянный палец длиннее указательного. Соединив руки, принялся их растирать, как делал всегда, когда был в чем-то не уверен, краем глаза поглядывая на отца – тот все еще держался за плечо. Стараясь не обращать на него внимания, Андреа смотрел на печальную девушку, которая то и дело бросала на него робкие взгляды. На детской площадке латиноамериканские няньки негромко переговаривались между собой. Он поднес ладони к лицу. Они все еще пахли Маргеритой.

- Где болит? – спросил Андреа, опустив руки.
- Синьора Вентури больше не заходит за «Коррьере делла сера». Видите ли, ее муж теперь читает на компьютере.
- Плечо?
- После моей смерти сразу же продай киоск.
- Плечо, и все?
- И шея немного.
- Обопрись хорошенько и опусти руки вдоль туловища.
- Сразу же продай киоск, понял?
- Сделай, как я тебе говорю.

Отец не шелохнулся. Тогда Андреа обошел вокруг скамейки и помог ему откинуться. Начав массировать, он удивился тому, насколько отец похудел, и даже испугался сделать ему больно. У них были похожи только носы – со стороны и не скажешь, что родственники. София перестала смотреть в их сторону, доела орешки, подняла и надела рюкзак. Она ушла со второй полупары Пентекосте, села на девяносто первый троллейбус и сошла, едва в окне завиднелся парк Равицца. С тех пор как она уехала из Римини, ей не хватало простора. Полгода назад, полная надежд, она прибыла на Центральный вокзал в предвкушении, что ее жизнь круто изменится, однако не поменялось ровным счетом ничего: она так и осталась двадцатидвухлетней провинциалкой, совершавшей поступки, в которых сильно раскаивалась.

София прошла по траве и вышла на дорогу, взглянув в последний раз на окутанных туманом старика и массиравшего его парня. Район Порта Романа ее успокаивал, дома с низкими крышами и сплошные магазинчики, проходя мимо церкви, она остановилась и решила, что стоит извиниться перед Пентекосте. Ведь она подошла к нему на глазах у всего курса и дала новый повод для сплетен. София хотела признаться, что его жена вовсе не следила за ней – просто им было по пути. Но что же делать, если он вдруг спросит, почему она соврала? Она и сама не знает, как так вышло. Заметив жену профессора в метро, София, смешавшись с толпой, украдкой наблюдала за ней, а затем шла следом до самого университета на приличном расстоянии. Увидев, что та осталась на улице, куда-то присев, София поднялась в аудиторию и подошла к профессору, чтобы сказать ему эту маленькую ложь. И пока она говорила, ее переполняло чувство справедливости: ведь после недоразумения в туалете он ее избегал, не обсудив с ней даже ее вторую работу, которую она сдала ему два месяца назад. Первый ее рассказ он раскритиковал как неубедительный.

- Неубедительный?
- Да, неубедительный.

Поэтому она написала второй рассказ, от руки на семь страниц, о том, что произошло с ее мамой в «Фиате Пунто». Рассказ назывался «Такие дела». Когда она отдала его профессору в среду утром, тот возразил, что не принимает работы, выполненные по собственной инициативе. Она долго теребила бумагу в руках, затем все же оставила семь листков у него на столе и всю лекцию не спускала с них глаз, пока не убедилась, что вместе с ноутбуком и книгами профессор положил к себе в сумку и ее рассказ. При этом он избегал смотреть на Софию, как

и тогда, в кабинете ректора, сторонясь ее соучастия, – видимо понимал, что все и так будет зависеть от ее слов.

София держалась его версии: в туалете почувствовала себя плохо, профессор только помог ей подняться на ноги. Ректор заверил их, что считает инцидент исчерпанным, и не стал бы выяснять подробностей, если бы на этом не настоял сам Пентекосте. Для того чтобы выработать общую линию поведения, за два дня до разговора с ректором они встретились в баре в китайском квартале и продумали всю хронологию действий с точностью до мелочей. Продумали и отрепетировали, оставшееся время провели в разговорах о том о сем. На выходе из бара – он оплатил счет – они попрощались, София дошла пешком до Монументального кладбища, достала телефон и выключила запись, затем достала наушники и прослушала все один, два, три раза. Ее решение записать встречу лишней раз доказывало, что яблоко от яблони недалеко падает. Защищать, оборонять и ограждать себя от действительности с ее вечными неприятностями было навязчивой идеей ее семьи. Книгами на жизнь не заработаешь: лучше получить диплом менеджера по туризму. Продолжай заниматься танцами: может, тебя возьмут в известную труппу. Оставь в покое парней, которые старше тебя. В Милане ты только зря теряешь время. Пятьдесят одна минута и тридцать семь секунд этой записи значили лишь одно – она была *такой же*. И все-таки одна вещь принадлежала только ей – тембр голоса Пентекосте. Плавная речь, слегка открытое *о*, поначалу застенчивый, а затем веселый смех волновали ее. Может, все же она была *другой* – испытывала удовольствие, наслаждаясь монологом на двадцать первой минуте:

– Принесите нам бутылку минеральной воды, пожалуйста. София, ты что-нибудь будешь? Нет? Хорошо, тогда только минералку, спасибо. Так вот, я говорил, что после того, как мне вырезали гланды, мне было года четыре, родители подарили мне цыпленка. Мы назвали его Альфредо, он жил этажом ниже у бабушки с дедушкой, в коробке. Альфредо был исключительно воспитанным, почти не пищал. Когда нас оставляли одних, я выпускал его на кухню: было забавно наблюдать, как он пытается подпрыгнуть, оторваться от пола, но, пожалуй, самым интересным было посадить его в коробку, чтобы сразу же выпустить на свободу. Прошло больше тридцати лет, и теперь я понимаю, что меня интересовал именно этот переход – из коробки на кухонный пол – момент, когда его лапки начинали робкое, но вместе с тем неудержимое движение вперед. В общем, дело было совсем не в том, что мне просто хотелось выпустить его из коробки. Меня привлекала эта трансформация. Интересовали изменения, которые претерпевает тот, у кого появляются новые возможности, – понимаешь, о чем я?

Слушая этот монолог, когда Пентекосте произносил «движение», София нажимала на «стоп», отматывала назад и слушала заново. Шипящая *ж* и робкая *е*. Движение, цыпленок, Милан, учеба в университете, работа в кафе, куда она сейчас и направлялась, свернув в узкую улочку между базиликой Сан-Надзаро-Маджоре и садами Чедерна. На работе, когда выдавалась свободная минутка, София пересматривала лекции по видам повествования и записывала новые идеи в тетрадку. Кафе было уютным – паркет из протравленной древесины, меню для веганов и коронное блюдо кускус, – ей платили в час девять евро чистыми. Она увидела объявление в университете, ее взяли после двухдневного испытательного срока, но попросили потренироваться рисовать сердечко и узоры на пенной шапке капучино. Работая по шесть смен в неделю, иногда сверхурочно, и откладывая то, что оставалось от аренды за жилье, она надеялась вернуть отцу хоть часть из семи тысяч евро, потраченных на учебу. Сегодня, как обычно, София положит в карман сорок пять евро, разложит кунжутные батончики у кассового аппарата, болтая с Халилем о его Иордании, разрисует уголки доски, где они записывали меню, будет приветливой с клиентами: чтобы не думать о том, что это тот предел, что ждет ее в будущем.

В кафе было человек пять посетителей. София на ходу съела бутерброд с лососем и авокадо, переделась в каморке, ослабила фартук так, чтобы не давило по бокам, сняла часы и

положила в карман щепотку каменной соли – тетя уверяла, что даже толика соли помогает от слеза. Подошла к Халилю и хорошенько закатала ему рукава рубашки.

– Я так скучаю по Римини, – сказала София, похлопав его по плечу.

– Прошло еще мало времени.

– Полгода – это немало.

– Для Милана?

– Сегодня я на кассе, ладно?

Они встали рядом: она – с чеками, он – около кофемашины. Когда посетителей не было, они либо молчали, либо вместе заполняли перечень дел, так вышло и на этот раз. София взяла стикеры и стала записывать. «*Помыть витрину*». «*Выбросить мусор*», – отозвался Халиль. Она: «*Подготовить все для завтрака*». Он: «*Проверить рабочий график*». Она: «*Нарезать фрукты*». Он: «*Помолиться пять раз*».

– А ты разве не христианин?

– Когда тебя с детства окружает девяносто четыре процента мусульман, знаешь, это накладывает свой отпечаток!

Она улыбнулась.

– А теперь, девушка из Римини, твоя очередь, и покончим с этим списком!

– Я уже написала.

– Нарезать фрукты? Да благослови бог твою душу!

Хлопнула дверь, София повернула голову и увидела жену Пентекосте. Она вошла и закрыла за собой дверь. София метнулась к кофемашине и попросила Халиля подменить ее на кассе, повернулась спиной, намочила тряпку и стала протирать рабочую поверхность. Жена профессора приблизилась и, прочитав меню на стене, заказала зеленый смузи.

Халиль уточнил, какой – маленький, средний или большой.

– Маленький, пожалуйста.

– Присаживайтесь за столик, мы вам его принесем.

София оставила тряпку и положила по центру разделочную доску. Достала из холодильника яблоко, фенхель, базилик, лайм, имбирь и принялась все нарезать. Прервавшись на секунду, обернулась и увидела, что жена Пентекосте сидит на стуле у витрины. Закинув ингредиенты в соковыжималку, прокрутила смесь семь раз. Наполнила стакан, вставила трубочку и крышку, отдала Халилю и скрылась в камерке. София прислонилась к стене и закрыла глаза руками. Простояв так какое-то время, поняла, что пора возвращаться. В зале Халиль как раз переключал радио.

– Все в порядке?

Однако София не спускала глаз с синьоры Пентекосте, которая, сняв амарантовое пальто, цедила через трубочку свой смузи и листала журнал. Лицо ее при этом было серьезным и сосредоточенным.

Халиль снова поинтересовался:

– Все хорошо?

Утвердительно кивнув, София выбросила из соковыжималки остатки фруктов. И так, она столкнулась с женой профессора второй раз за день. До этого они пересекались только однажды – на празднике в честь начала нового учебного года. Софии она казалась привлекательной: в тот раз на ней была рубашка мужского кроя и туфли-лодочки на высоком каблуке – на таких не побегаешь. С того времени она не растеряла своего шарма: локон каштановых волос ниспадал на глаза, а скрещенные ноги, казалось, отдыхали одна около другой, в ней было что-то от Вирны Лизи. София обожала старые киноленты с Вирной Лизи – пересмотрела их почти все вместе с мамой. Отведя взгляд, София взяла журнал и вписала туда дневную выручку. Затем подсчитала недельный расход обезжиренного молока – и решила впредь заказывать упаковкой меньше. И

тут до нее донесся скрип стула о паркет. София подняла голову – к ней приближалась синьора Пентекосте.

– Можно с тобой поговорить?

София положила ручку:

– Со мной?

Женщина кивнула.

Халиль посмотрел на них:

– Да, конечно, иди.

София взялась за фартук, прошла мимо кассы и направилась к двери. Синьора Пентекосте поблагодарила Халиля и проследовала за Софией. Они оказались на небольшой, мощенной булыжником площадке, в ста метрах от университетских стен.

– Ты София и учишься на курсе профессора Пентекосте, так?

Девушка кивнула.

– Я хотела узнать тебя поближе, – женщина поставила сумку и рюкзак на землю, затем откинула челку с глаз. София поняла, что роднило их с Лизи – этот взгляд, смешливый и серьезный одновременно. – Я хочу услышать твою версию.

Двое парней возле входа в кафе едва их не задели.

– Мою версию чего?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Ох, – выдохнула София и принялась теревить края фартука, – профессор же уже сказал, что...

– Я хочу, – перебила синьора Пентекосте, – услышать это от тебя.

– Мне стало плохо, и профессор мне помог.

– Правда?

– Правда.

– А что было до этого?

Туман почти рассеялся, хотя казалось, что он вот-вот опустится снова.

– До этого – это когда?

– До случая в туалете.

– Ничего.

– Ничего в каком смысле?

– Ну, просто лекции. Иногда он водил нас куда-нибудь, чтобы обсудить наши работы.

Мимо них прошел мужчина с колли на поводке.

– Это его метод.

– Да, метод Пентекосте.

София взглянула на колли – пес обнюхивал двух других собак около клумбы.

– Профессор ведет нас в какое-нибудь интересное место и...

– Проводит там что-то вроде занятия.

– Да.

– Куда он водил тебя?

– В буфет.

– Куда заходил Бьянчарди? В Брера?

София кивнула.

– И все?

– Один раз мы ходили в китайский квартал. – София вынула руки из фартука и опустила их вдоль тела. – Это допрос?

– Да нет, – синьора Пентекосте попыталась улыбнуться. – А зачем вы туда ходили?

Римини. Отец и синий халат их магазинчика. Желтый маяк в самом конце набережной – пора возвращаться.

– Нас было несколько человек, и профессор хотел, чтобы, ну... – София прочистила горло, – хотел, чтобы мы написали рассказ об этом месте.

– Значит, ты была не одна?

– Да, – соврав, она опустила голову и уставилась вниз.

– Ты права, наш разговор смахивает на допрос.

– Да ладно.

– Кстати, я Маргерита, – синьора протянула ладонь.

София пожала руку – ладонь оказалась мягкой.

– Мне нужно было с тобой поговорить, надеюсь, ты понимаешь. Ты же понимаешь?

София кивнула: конечно же, она понимала. Каким-то странным образом она чувствовала свое сходство с этой женщиной – выступающие бедра при общей худощавости, видимо поэтому он и не сдержался.

– Тогда до свидания, – София было направилась обратно.

– Эй! – Синьора Пентекосте повесила сумку на плечо.

София взглянула на нее.

– Прости меня за назойливость.

В полном замешательстве Маргерита сдвинулась с места. И к чему это «прости», корила она себя. Не стоило произносить последнюю фразу. А что ей оставалось? Главное было не сойти за бедняжку, одну из тех дрожащих, брошенных на произвол женщин, сказала она себе, замедлив шаг напротив индийской закуской, – но тогда почему она так поступила? Может, потому, что лет десять назад она была такой же, как София, а теперь стала как все *те*, по словам физиотерапевта. Маргерита остановилась и убедила себя, что в такой ситуации поступила бы, как и София Казадеи, должна была так поступить – заманила бы в ловушку мужчину, который только этого и ждал. Она осмотрела свою правую руку: каким было ее рукопожатие? Было ли оно достаточно твердым? Рука была потной, засунув ее в карман, Маргерита зашагала вперед в твердой уверенности, что завершила некое дело. Может быть, теперь ее перестанет преследовать сцена в туалете: он, склонившись над девушкой, напористо целует ее, изучая языком, или она на коленях, а он перед ней со спущенными штанами. Естественно, Маргерита не высказала ему это в лицо, заметила лишь, что он сам виноват в поднявшейся шумихе: сам настоял, чтобы ректор узнал его правду, чтобы жена узнала его правду, чтобы все узнали его долбаную правду. Карло обрушил на них свою риторику – это ее бесило больше всего. Маргерита ускорила шаг и почувствовала покалывание в ноге; когда она дошла до пьядца Дуомо, сил у нее практически не осталось.

Маргерита послала сообщение в офис, предупредив, что сегодня не вернется. Затем, немного поколебавшись, все-таки спустилась в метро и направилась в единственное место, где ей хотелось оказаться. Купив билет в автомате, она прошла на платформу электричек, следующих в северном направлении. Достала томик Немировски и прижала книгу к себе. «Французская сюита» – роман, где жизнь так и бьет ключом: хотя эти страницы и последний гимн жизни, и предчувствие того, что Аушвиц вскоре разобьет все мечты автора. Она вошла в вагон метро, повторяя в голове слова телеграммы, которую отправил издателю муж Немировски, после того как жену схватила полиция: «Ирен сегодня отбыла в Питивье (Луаре). Надеюсь, сможете срочно вмешаться точка. Звонить бессмысленно».

Маргерита не выпускала книгу из рук до станции Луи Пастера, там она вышла из метро и очутилась в районе своего детства. Прежде тут обитали только миланцы, а теперь гудел рой из двадцати семи наций, в основном студентов, – разношерстная толпа поднимала ей настроение. Маргерита слегка сбавила шаг и повернула на виа делле Леге с ее китайскими ресторанчиками и марокканскими лавками. Тут она была настоящей – до всех своих увлечений, когда ее еще все устраивало. Дом ее детства располагался на углу, молочную лавку на первом этаже сменил бар, которым заправляло тунисское семейство, у них был кофе «Шу» и быстрый интернет.

Маргерита достала было ключи, но передумала и два раза позвонила. Домофон крякнул, и она сказала:

- Это я.
- Кто я?
- Твоя дочь.

Толкнув дверь, она преодолела один пролет – мама уже поджидала ее на лестничной клетке.

- Что случилось?
- Приходили по поводу бойлера?
- Не меняй тему.
- Я что, не могу зайти к тебе просто так? Расскажи про бойлер.

Напрягшись, мама проскандировала по слогам:

- Все из-за де-ком-прес-си-и. В баке низкое давление.

Маргерита чмокнула ее в щеку – оказалось, родительница пользовалась «Oil of Olaz». Она была такая миниатюрная, что смотрела на всех снизу вверх.

- Кушать будешь?

Маргерита прошла в гостиную. Кресло отца уже не стояло у книжного шкафа, а телевизор беззвучно вещал на канале «Rai Uno».

- Ну, солнышко, рассказывай.
- Просто хочу побыть тут с тобой немножко.
- Как Черчилль, который взял отгул в разгар Второй мировой?

Она присела рядышком. Она всегда притихала, если у дочери на сердце кошки скребли. Когда Маргерита была еще юной, в минуты душевного смятения мама целовала ее в макушку, теперь же, после замужества дочери, стала более осторожной в проявлениях близости: присаживалась рядом, поправляла воротник ее блузки, отряхивала рукою пальто.

– Знаешь, солнышко, хочу тебе сказать, я уже не читаю, как прежде, – сказала она, забрав из рук дочери томик Немировски, и кивнула на книжный шкаф. – Я поняла, что читала только ради твоего отца.

- Тебе было с ним так скучно?
- Наоборот, чтение нас сближало, – ответила она, поправив дочери челку. – Если ты не хочешь говорить, тогда я скажу, что с тобой.
- Да ничего, я же уже сказала.
- Если мне приснился Паннелла⁴, значит, что-то не так!
- Мама! – Маргерита невольно улыбнулась. – Далась тебе эта политика!
- Я прожила жизнь с человеком, который голосовал за Берлускони⁵. Знаешь, что он мне

ответил на вопрос: «Почему?»

- Ну?
- Что он за Сильвио из-за «Drive In»⁶.
- Еще бы! Полуголые девицы!
- Смотри на это проще, девочка моя. – Она уселась на диван. – Полуголые девицы, как-никак, отличное развлечение!

- Бог с ним.
- Мама подняла взгляд.
- Значит, у тебя проблемы с мужем.

⁴ Марко Паннелла – итальянский политик и журналист, один из основателей Радикальной партии Италии.

⁵ Сильвио Берлускони – итальянский государственный и политический деятель, четырежды занимал должность председателя Совета министров Италии.

⁶ «Drive In» – итальянская телепередача, шедшая в эфире с 1983 по 1988 год, в которой принимал участие Сильвио Берлускони.

– Не хочу об этом говорить, – и уставилась на балконную дверь. Балкон находился на одном уровне с гостиной; когда она была маленькой, отец частенько распахивал дверь настежь и разрешал ей кататься на трехколесном велосипеде туда-сюда, пока мама что-то шила, при-
мостившись в углу. Она штопала так же, как и читала, – с точностью и скоростью хирурга, и ее заработок был ничуть не хуже, чем у мужа-железнодорожника.

– Не хочешь говорить – ну и ладно, – сказала мама, поцеловав дочь в плечо. – Но знай, что твой муж иногда сюда забегает.

– Мой муж?

– Только не говори ему об этом.

Она вышла на кухню и вернулась с двумя кусками пирога.

– Со шпинатом. Если хочешь, разогрею.

Маргерита откусила кусочек.

– И что здесь делает мой муж, когда иногда забегает?

– Перекусывает, перебирает книги на полках, иногда берет что-нибудь почитать. Он приходит по четвергам. Твои подозрения как-то связаны с четвергами?

– Да нет, дело не в четвергах.

– Все будет хорошо, солнышко.

– Зачем он сюда приходит?

– Я недурно готовлю. Но думаю, причина в твоём отце.

– Пожалуйста, не будь банальной.

– А ты не будь неблагодарной, – парировала она, положив руки на подлокотник кресла. – Кажется, ты забыла, что отец для него сделал.

– Не забыла, – перебила ее Маргерита, – но не нужно утрировать.

– Ты недооцениваешь Карло.

– Вот тут ты ошибаешься, – нервно рассмеялась она.

Они ели в тишине, как обычно, неспешно пережевывая пищу и время от времени стыдливо поднося руку ко рту. Мамина стряпня: все из хороших и простых продуктов, сдобренных легким соусом. Они доели пирог, болтая о выцветших обоях на стене, затем мама забрала тарелку и поставила на стол, подняла дочь на ноги и обняла ее.

– Это не подозрение, мама. Это молоденькая студентка.

– И что?

– Это какое-то наваждение.

Мама выгнулась дугой, чтобы посмотреть ей в глаза:

– Значит, как сказал бы Мегрэ, улик у тебя нет.

– Не нужны мне никакие улики.

– Мудрое решение, доченька, – произнесла она, постукивая указательным пальцем по груди Маргериты. – И вот что я тебе скажу: твой муж не мастак в таких делах.

– Думаешь?

– Как и твой отец.

Как и отец, который поехал в Турин на курсы повышения квалификации на три дня. Впервые он не ночевал дома, мама ей призналась, что шила и днем и ночью, пока он не явился с двумя подарками: зимней шапкой и пазлом «Яркая радуга». Он вернулся в отличном настроении с двумя презентами и с новым шарфом на шее. Когда Маргерита ушла в свою комнату, она слышала, как родители о чем-то быстро-быстро говорили. А говорили они о том, что вышло наружу лишь годы спустя: мама окрестила это *недопониманием*.

Может, *недопониманием* было и то, что сейчас происходило с ней. Положив подбородок на мамину голову, Маргерита обвила ее шею руками. Сказала, что ей пора; под тиканье настенных часов мама проводила ее по длинному коридору, увешанному гравюрами с видами Милана, с полом из мраморной крошки и вешалкой из красного дерева. Восхищаясь мамин-

ной мебелью, Маргерита понимала, что скоро все придет в негодность и понадобится ремонт. Обернувшись на пороге, Маргерита поцеловала мать – ее волосы пахли лаком.

– Думаешь, я могла бы вскружить голову кому-нибудь из «Drive In»?

– Мне кажется, там были только девушки, – мама стала серьезной. – Не переживай, еще как могла бы! – улыбнулась она. – Завтра у Буццати ты прояснишь все свои подозрения, или наваждения, или что там, черт подери, у вас происходит.

– Думаешь?

– Уверена. Дай мне знать, что там с квартирой на корсо Конкордия.

Она поправила на дочери пальто.

– Знаешь, папа ведь отложил для тебя пару лир.

– Вы же копили на эту квартиру.

– Мы из тех, кто всю жизнь снимает жилье, – и послала дочери воздушный поцелуй с лестничной клетки.

Маргерита ответила ей тем же. Спускаясь по ступенькам, на выходе из подъезда она почувствовала, как ей недостает отца. Она быстро прошла по виа делле Леге и своему кварталу, свернула на вьяле Монца и оказалась на пьядцале Лорето. Думала она об отце – кустистые брови и сигарета во рту, маленькие кусачки в руках, которыми он все чинил, как он делал вид, что убирается на кухне, а сам наблюдал, учит ли Маргерита латынь. Говорили, он даже поездка ремонтировал с сигаретой в зубах. Шутки про «Милан» или Гаэтано Ширеа, хотя тот и играл за «Ювентус». Потом успехи Маргериты в лицее и, наконец, зять, который стал «славным сыном». Как-то отец сказал Карло: помогай нашим женщинам, если можешь. Это случилось в тот день, когда врачи из клиники «Humanitas» нашли у него затемнение в легком. «Затемнение? Какое?» – спросил этот дородный человек, глотавший слова и не пожелавший присесть, даже когда ему объявили диагноз. Нужно дообследоваться, ответили ему. Вернувшись домой, он принялся приводить в порядок документы в своей папке.

Всякий раз, тоскуя по отцу, Маргерита искала общества мужа. Взглянув на часы, она позвонила в агентство и предупредила, что заскочит за ключами от апартаментов на корсо Конкордия. Затем набрала Карло:

– Есть интересный вариант, хочу посмотреть его вместе с тобой. Прямо сейчас.

Настойчивость стала ее второй натурой, едва она поняла, что нужно трезво оценивать свои потребности. Маргерита была бережливой и легко сводила концы с концами, являя собой пример того, как довольствоваться насущным без излишней жертвенности. Муж поддерживал ее в этом. Снимать квартиру в семьдесят квадратов с крошечной ванной ради ежемесячной скидки в триста евро в виде компенсации за такое неудобство. Планировать отпуск на год вперед и без конца мониторить рейсы, чтобы найти прямой перелет по приличной цене. Готовить еду из того, что осталось в холодильнике.

Оставив за спиной корсо Буэнос-Айрес и ненавистные районы Милана с вереницей магазинов, Маргерита свернула на виа Спонтини – ее агентство располагалось как раз посередине. Открыв свое дело три года назад, Маргерита взяла на работу Габриэле и Изабеллу. Несмотря на прошлогодний финансовый кризис в Америке, дела шли недурно. Оказавшись в офисе, Маргерита отметила, что Изабелла поехала на осмотр двух объектов, а Габриэле говорит по телефону. Он протянул ей ключи, Маргерита улыбнулась и сразу же вышла, направившись в сторону вьяле Монте Неро, – через двадцать минут она будет на месте, если не подведет нога.

Апартаменты на корсо Конкордия располагались на последнем этаже в доме без лифта, Маргерите пришлось долго обхаживать хозяйку, чтобы их заполучить. Восемь месяцев они вместе ходили на пилатес, идея будущей сделки родилась в раздевалке – если, конечно, у хозяйки хватит духу перебраться на Майорку к жениху. Когда Маргерита попала в квартиру – ее пригласили на чашку чая для неофициального просмотра, – ее поразил свет. На все остальное – две просторные спальни, гостиную, кухню-студию и два балкона – она даже не обра-

тила внимания. Хозяйка призналась, что за сто семнадцать метров общей площади с учетом района и состояния жилья она надеется получить пятьсот пятьдесят тысяч евро. Хозяйка угостила Маргериту чаем, который на деле оказался фруктовым отваром, и норвежским песочным печеньем. Она призналась, что всем женщинам после пятидесяти перемены в жизни только на пользу: в ее случае речь шла о переезде к любимому, который помог ей пережить развод. Маргерита кивала, пила чай и муссировала проблему с лифтом: все-таки четыре этажа и такое количество ступенек отпугнут многих покупателей. Затем она поведала о своей малогабаритной ванной на два квадрата, в которой ей приходилось мыться каждый день, обрисовав в картинках все трудности одновременного пользования душем и шампунем. Маргерита улыбалась, даже смеялась, понимая, что выставляет себя в невыгодном свете – владелица перспективного агентства недвижимости живет черт знает где. Такая откровенность быстро растопила лед и дала толчок доверительным признаниям: хозяйка поделилась с Маргеритой, что у ее испанского друга проблемы похлеще, чем малогабаритная ванная. После продажи квартиры они бы зажили на Майорке припеваючи. После того как Маргерита повредила сухожилие, они больше не встречались, а обменивались вежливыми сообщениями до тех пор, пока хозяйка не сообщила, что, руководствуясь исключительно своим *чутьем*, выбрала именно ее для продажи квартиры.

Пришло время показать квартиру и Карло, хотя он заявил, что полмиллиона для них – заоблачная цифра. Маргерита ответила, что цену можно и сбить, нужно только придерживаться плана. Они обсудили это едва ли не в шутку, а затем случай в университете затуманил их перспективы на будущее, хотя Маргерита ни на минуту не переставала мечтать об этой квартире. Воображение рисовало ей солнечный свет в гостиной, огромный книжный шкаф, возможность принимать больше двух гостей за один раз, то, как она попивает вино на балконе и нежится в ванной. Подойдя к дому номер восемь, Маргерита была вне себя от возбуждения. Она зашла в подъезд, поздоровалась с консьержкой и присела на ступеньке лестницы А. Ощупала ногу, вспомнила об Андреа, достала книгу Немировски и, зарывшись в нее с головой, с улыбкой прошептала: «Дорогая Ирен, ты бы так долго не вытерпела». Это подняло ей настроение.

– Этот роман тебя доконает.

Подняв голову и заметив приближающегося мужа, Маргерита встала.

– Я тебя заждалась.

– Я пришел, как только смог, – и поцеловал жену. – Значит, это здесь, – Карло поправил капюшон куртки, завернувшийся вовнутрь.

– Хозяйка передала ключи раньше, чем я планировала.

– А если мне понравится?

– Даже думать об этом не хочу.

Маргерита сделала ему знак идти следом.

– Тогда будем и дальше снимать жилье.

– Тогда дуй на работу.

– Да ладно тебе, я же пошутил, – и схватил ее за руку. Они попали во внутренний дворик. – Где вход?

Дом находился прямо перед ними, посреди двора. Отстранившись от мужа, Маргерита достала ключи и открыла железную дверь подъезда. Перед ними замаячила лестница. В подъезде стоял запах штукатурки, они поднимались друг за другом, делая передышку на каждой лестничной клетке.

– Тяжело без лифта, – Маргерита держалась за перила, на четвертом этаже ее нога нещадно заныла.

– Постой тут, пока я подниму жалюзи.

– Я тебе помогу.

– Жди здесь.

Она исчезла внутри и скоро появилась.

– Теперь заходи.

Карло, в котором было метр девяносто росту, вошел чуть ли не на цыпочках, он походил на обнюхивающую все собаку, сначала скользил по мебели взглядом, а затем рукой: тронул раму у зеркала в одной из комнат и скол на спинке кровати, застыл у абажура, а затем снова принялся бродить – его медлительность говорила одновременно и о маниакальном внимании, и о внезапной рассеянности. В гостиной стояли стол, восемь плетеных стульев, диван, на котором лежало покрывало с тремя декоративными слонами. Карло посмотрел на нее:

– Ужас.

– Давай сначала все осмотрим.

– Ужас.

– Думаешь?

– Просто ужас.

Маргерита смотрела на мужа, стоявшего у окна в лучах солнечного света. Ее поражала естественность, с которой он подчинял себе ее инстинкты. Как и муж Немировски, Михаил, который почти силой увез Ирен в деревню под Парижем, после того как однажды утром она прошептала: «Мне приснились синие полевые цветы и сирень. Там не было войны».

Маргерита приблизилась, остановилась, он все еще стоял у окна. Преодолев нерешительность, обняла его сзади. Она претендовала на это тело – великолепное и робкое – со дня их знакомства, ведь оно помогло ей переступить через собственную стыдливость. Они переспали через неделю – она сама пригласила его зайти после дневной прогулки с мороженым, – ей казалось странным разрушать своими руками некое препятствие: будто со стороны слышать собственные стоны и ловко управлять мышцами, приравниваясь к незнакомому телу. Разбухшая головка члена, напряженный, удерживающий ее рот, раскрывшиеся ноги и пульсация в предвкушении наслаждения. Она осознала, что это и есть *он*, по тому, как покорила его. Это было очевидно практически сразу. С того дня им удавалось поддерживать взаимное влечение: они занимались сексом в необычных местах и в неподходящее время, разжигая друг в друге обоюдный интерес. Ей хотелось, чтобы это случилось и сейчас: в лучах невероятного света, в этой слишком дорогой для них квартире. Животная страсть перечеркнула бы все недоразумения: заняться бы сексом прямо на этом столе и дожидаться, когда муж вытеснит в ее голове образ физиотерапевта. Ей хотелось переспать с ним, ей так этого хотелось; однако он, скорее всего, переспал с Софией Казадеи. Эта мысль выматывала ее даже сейчас, когда она обвивала его грудь, не позволяя себе спуститься ниже: а вдруг девчонка делала то же самое? Отстранившись от мужа, она пробормотала, что эта квартира никогда не станет их домом.

Он обернулся:

– Ну и где мы найдем такой свет?

– А где мы найдем пятьсот пятьдесят тысяч?

– Ты же сказала, что можно сбить цену.

– Максимум на пятьдесят тысяч.

– 2009 год на дворе, везде кризис.

– Ну и что?

– Тут нет лифта.

– Ну и что?

– Ну так у нас же есть план?

Она поправила волосы за уши.

– Этот план сплошное зло.

– Зло – это интересно.

– Я не твоя студентка.

Жена всеми силами старалась вывести его на чистую воду. «Зло – это интересно» – эффектное начало для лекции. Всякий раз, когда Маргерита подходила к этой теме вплотную, он искал пути отступления: незаметное подергивание век, неожиданный поворот разговора, грустная шутка или же физическая капитуляция – поэтому из гостиной он прошел на кухню, обнаружил в холодильнике запечатанную бутылку воды, ему захотелось ее выпить, но он закрыл дверцу, прошел на другую половину и замер на пороге первой спальни, пытаясь найти смысл в своих действиях.

Высунувшись в коридор, он крикнул:

– Хозяйке же нужны деньги, верно?

Маргерита сделала ему знак говорить потише.

– Ее приятель по уши в долгах.

– Ну вот тебе и выход!

– Деньги твоих родителей – это не выход.

– Не меняй тему. Твой хитрый план – вот наш выход.

Она сама объяснила ему, что единственный выход в сложившейся ситуации – это морочить хозяйке голову: врать о несуществующих покупателях и раздувать трудности сделки. Так хозяйка снизила бы свои запросы, и можно было бы приступить к торгу. На это ушло бы от трех до шести месяцев. Конечно, существовал риск, что хозяйка передаст квартиру кому-то другому, но в этом случае можно сменить тактику. Все это она поведала ему перед сном – перед сном их союз порождал на свет соблазнительные планы.

– Карло, не могу я так поступить.

Не могу открыть собственное агентство недвижимости. Не могу ухаживать за собственным отцом. Не могу выйти замуж. Не могу – два слова, означавшие, что все она прекрасно могла, да еще и как. За годы брака Карло понял, что за этим *не могу* скрывается страх показаться наглой. До недоразумения. С тех пор она в самом деле перестала *мочь*. Как несколько часов назад, когда не захотела подняться с ним в аудиторию – какое счастье! – оставшись на улице с поникшей головой. Или несколько недель назад, когда перестала доносить его вопросами, а проводит ли он лекции вне университета, с кем, сколько на них бывает студентов. Или когда положила конец небольшим излишествам: туши для ресниц и утренним танцам гольшом по воскресеньям. Это были робкие проявления бунта: даже ночью, когда она пристраивалась на краешек кровати, вместо того чтобы с веселым деспотизмом разлечься посередине. И потихоньку, как только матрас начинал проседать по краям, жена рассказывала ему об этой квартире с ее волшебным светом. Их единственной надеждой был нотариальный акт? Он пытался уйти от ответа на этот вопрос, как старался отмахнуться от фактов, которые день за днем роились в его голове: он – заложник своего ненаписанного романа. Он шесть часов в неделю преподает, но на самом деле занимается тем, что составляет туристические буклеты и ежемесячно тайком получает от родителей деньги. Просто олицетворение образа настоящего мужчины.

Прежде ему удавалось напустить туману на эти данности, однако теперь они не давали ему покоя. Они доносили его, пока он осматривал гостиную и поглядывал краем глаза на жену.

– Маргэ, эта квартира просто создана для нас.

– Ты правда так думаешь?

Он кивнул, проводил жену к дивану с декоративными слонами, помог прилечь и уложил ее голову к себе на колени. Карло гладил ее лицо, и она, казавшаяся еще более миниатюрной, наконец расслабилась – ее глаза смотрели в потолок, нога свесилась с дивана. Сейчас перед ним было тело его жены: там, у окна, оно от него ускользало. Такое случалось время от времени, и он не понимал, в чем кроется причина – в *недоразумении* или же нет. Побыв с ней вот так, Карло каким-то образом почувствовал, что Маргерита утром не следила за Софией Казадеи.

Маргерита взяла мужа за руку:

– Обещай мне, что ничего не расскажешь своим родителям.

– Обещай мне, что ты все расскажешь своей маме.

– Может, ты это сделаешь сам?

И, набрав побольше воздуха, продолжила:

– Не к ней ли ты бегаешь исповедоваться по четвергам?

Карло посмотрел на нее, и ему стало не по себе, как и тем январским вечером, во вторник, когда он вошел в гостиную и сказал Маргерите, смотревшей «Назад в будущее»:

– У меня неприятности в университете.

– Какие неприятности?

– Со студентом, – он произнес это слово в мужском роде.

– А почему ты мне об этом рассказываешь?

На секунду он замолчал:

– Потому что мне нечего скрывать.

– В каком смысле скрывать?

И выдал ей свою версию происшедшего.

Она скрестила руки:

– Похоже на сюжет романа.

– Какого романа?

– Ну, того нобелевского лауреата, из ЮАР.

– Ты меня обвиняешь?

– Или другого романа.

Она посмотрела на него:

– Что там было в начале? Свет моей жизни, огонь моих чресел?

Он сел на диван:

– Я рассчитывал на твое понимание.

– А я на твое.

И отвернулась к телевизору: на экране ученый из фильма «Назад в будущее» пояснял, как работает машина времени на плутонии, темной ночью персонажи толпились на парковке, и Марти готовился отправиться в 1955 год. И тут Маргерита сказала, что верит ему, и пошла спать, оставив его одного на диване.

Сейчас Карло тоже сидел на диване и сердился на самого себя: жена раскрыла его визиты по четвергам к теще, и он опять почувствовал, что попался. Хранить секрет, утаить ото всех хотя бы малую часть своей жизни: этому он научился еще подростком, чтобы ненадолго убежать от родителей, – куда же подевалось это его умение?

Карло сказал, что ему пора на работу – нужно доделать еще полкаталога по Таиланду, но для начала хотел убедиться, что она и в самом деле хочет эту квартиру.

– Ох, – Маргерита вся подобралась, – конечно, я ее хочу.

– Правда хочешь?

– Ну, тут нет лифта и цена о-го-го.

– Ты хочешь ее?

– Да, но...

– Ты хочешь эту квартиру?

– Да, если бы...

– Ты ее хочешь?

Она улыбнулась:

– Да! Боже! Как же я ее хочу!

Они сели рядом и прижались друг к другу. Карло осторожно отстранился и взглянул на жену. Как же она красива, когда счастлива! Поправив воротник его рубашки, Маргерита сказала, что он может идти. Несколько минут он медлил, затем поднялся, чтобы поцеловать

ее на прощание. Его уход напоминал бегство: из квартиры, которая похоронит его в долгах, от попытки решить проблему с женой деньгами, от клейма зрелости.

Держась за перила, он почти бегом преодолел девяносто шесть ступенек и спустился вниз, пересек дворик и остановился только тогда, когда очутился на корсо Конкордия. Прислонившись к стене, он вспомнил Даниэле Букки, своего друга детства: они вместе учились в начальной и средней школе, а затем и в лицее. Теперь его друг, забросивший футбольные бутсы, обзавелся тремя детьми и держал прачечную где-то в провинции Брианца. Жил он в панельном доме в местечке Кабьяте – всего-то семь тысяч душ – и в последний раз признался Карло по телефону, что всем доволен. Всем доволен: жена и дети здоровы, да и прачечная не доставляет хлопот – на жизнь хватает. Они потеряли друг друга из виду после того, как у Даниэле появился первенец: вначале созванивались раз в неделю, затем раз в месяц, и всякий раз их голоса звучали все более отчужденно.

Образ молодого, с редкими усиками Даниэле навсегда осел в каком-то уголке его памяти. Карло сдвинулся с места и решил не возвращаться сегодня на работу – ему ничего не хотелось, разве что проветрить голову и написать Софии. Взглянув на телефон, он увидел пропущенный звонок от сестры, оставив его без внимания, пролистал контакты до буквы С.

Написать Софии, позвонить ей, поболтать о том о сем, сделать вид, что звонит для того, чтобы узнать, почему она собрала свои вещи и ушла утром с пары; он мог бы рассказать ей, что думает о ее втором рассказе, о котором он так долго и постыдно молчал: семь страниц о последней поездке с мамой в «Фиате Пунто» тем майским днем по дороге в Сантарканджело, песня Орнеллы Ванони и последние минуты перед аварией. Он мог сказать ей правду: рассказ брал за живое. Закончив чтение, он задумался о названии «Такие дела», отодвинул листы и взял блокнот, куда так и не удосужился записать ни одной законченной вещи, потом с досадой его захлопнул. Теперь он мог ей позвонить, чтобы рассказать, как ему понравился рассказ, он бы не стал спрашивать, зачем она придумала, будто Маргерита следила за ней.

Он так ей и не позвонил. Направляясь к Дуомо с телефоном в руке, около Сан-Бабила Карло набрал номер сестры. Он сообщил, что, скорее всего, его теща не придет на день рождения. Черт, для мамы это так важно, опечалилась сестра, по поводу подарка: она бы остановилась на морском котике «Swarovski». Хорошо, пусть будет котик, он попробует переубедить тещу, в остальном как дела? Сестра ответила, что справляется, Мамаду ходит на собеседования, затем она посвятила его в тонкости производства подгузников – с каждым днем они становятся все тоньше и тоньше, почти как трусики, впитывают мочу литрами, не пропуская ни капли, просто невероятно! Болтовня сестры его успокаивала, он слушал о том, как Нико карабкался на мебель, а затем плюхался на подгузник – бух, и от этого буха содрогался весь дом; если бы у него был такой непоседливый карапуз, он бы ее понял. Как дела у него? У Маргё? Карло мог на ходу говорить с сестрой по телефону, не произнося ни слова, он рассказал ей о квартире на корсо Конкордия, сестра ответила, что отец им с радостью поможет. Не нужно лезть к отцу в кошелек. Ни к кому она в кошелек и не лезет, просто упомянула отца – они ведь одна семья, в тридцать пять лет он еще не свыкся с мыслью, что родился в богатой семье? А она, Симона, свыклась, даже слишком. Она вот родила Нико при неработающем муже, что в этом плохого? Приходите вечером на ужин, обсудим вашу будущую покупку, пригласила сестра. Спасибо, но у него накопилась кипа студенческих работ на проверку. Возле церкви Сан-Бабила он поинтересовался, вспоминает ли сестра то время, когда они были детьми. Почему он об этом спрашивает, удивилась она, вроде им еще далеко до старости. Так вспоминает или нет? Иногда, ответила она, особенно как они с Валерией Пари по пути из школы сворачивали в магазинчик, чтобы купить упаковку «Nagibo», леденцов и жевательных крокодильчиков, потом за обедом она не могла проглотить ни ложки – мама просто бесилась; он, вероятно, скучает по тем годам. Да, согласился Карло, ему тоже нравилось то время. По сути, так оно и было, стоило только постараться удержать их всех вместе: сестру и Маргериту, Нико и Мамаду, родителей и Вале-

рию Пари, Даниэле Букки и Софию – все частички бесконечной мозаики. Попрошавшись с сестрой, он вышел к Дуомо с обратной стороны, вечерами резное окно в форме розы напоминало ему комиксы Бонелли. Он обошел собор, не оборачиваясь, пересек площадь и остановился. Он мог бы пойти в университет и зайти в кафе к Софии, сесть за последний столик у окна и подождать, пока закончится ее смена или когда у нее появится свободная минутка.

Карло присел на ступеньки собора, здание ратуши напротив стояло в лесах, двое парней внизу возились с электрической лебедкой. И как ему только пришло в голову приставать к ней в туалете? Но все-таки это случилось. Тем утром он проснулся с тяжелой головой, быстро умылся, в спешке оделся, на бегу выпил кофе с Маргеритой, вышел из дома и перед университетом забежал в редакцию, чтобы наметить текущие задачи в рабочем графике. Его взяли в университет, потому что у отца были связи в административном совете: как сказали отцу, они искали молодого человека, увлекающегося литературой. Техники повествования, шесть часов в неделю. Услышав от отца об этой перспективе, Карло сразу же согласился, не задаваясь вопросом, берут ли его по протекции или нет.

Тем утром он пришел в аудиторию, как обычно, на полчаса раньше, помнил, что занял свое место на кафедре и ничем особым не занимался, пока собирались студенты. Хотел было попросить Маргериту заскочить к нему в обеденный перерыв, но так этого и не сделал, будто находился во власти необъяснимого беспокойства, мучившего его с самого пробуждения. Затем стали появляться студенты, он перемолвился парой слов с Джанлукой из Лечче – большим поклонником русской литературы и Микки Мауса: в тот день он собирался отмечать свой день рождения в «Пластике», может, профессор составит им компанию? Карло ответил, что слишком стар для «Пластика»; а рассказ он уже закончил? София пришла одной из последних – в голубых джинсах и полусапожках. Села в третьем ряду и включила ноутбук, неловким движением опрокинула пенал и вздрогнула от раздавшегося грохота. Пару раз он уже встречался с ней за пределами университетских стен: первый раз с группой, а второй – наедине, чтобы обсудить ее первый рассказ. Именно тогда, объясняя, почему рассказ вышел неубедительным, он обратил внимание на ее свежeweымытые волосы – запах шампуня оказался ему незнаком и будоражил обоняние. Положив руку ей на спину, якобы чтобы успокоить, он потихоньку добрался почти до затылка.

– Прости, – сказал он, отдернув руку.

– С какой стати? – ответила она.

С этими словами «с какой стати» он несколько дней мастурбировал в рабочем туалете, пытаясь понять, какое влияние эти три слова окажут на его брак.

«С какой стати?» – эхом отдавалось в его голове; теперь он прибегал к нему всякий раз, когда Маргерита, по его словам, «уходила в подполье»: когда пропадала из поля зрения или до такой степени погружалась в себя, что ее приходилось буквально выкуривать обратно, как, впрочем, и его – Карло это прекрасно сознавал – из литературной горячки. Такие уходы в себя были для них делом рискованным. Однако после *с какой стати* что-то поменялось, и он не предпринял ничего, чтобы все исправить: он разглядывал свою правую руку в том месте, где почувствовал тепло спины и шеи Софии Казадеи – у основания пальцев. Он ощутил жар другого тела и постарался вобрать это тепло за те секунды, пока длилось прикосновение, чтобы затем превратить все в воспоминание и мысленно к нему возвращаться в трудные минуты: *с какой стати* – когда он наблюдал за Софией, слушавшей его лекции, *с какой стати* – когда пробуждался безвольный эрос, *с какой стати* – раздражали и волновали его чувства. *С какой стати, с какой стати, с какой стати.*

Он испытал облегчение, осознав, что эти мысли ничуть не затрагивают его брак. Рука на спине Софии не посягала на его семью – это было параллельным измерением, флером воображаемого адюльтера: это не имеет значения. А точнее: это не имеет большого значения.

Вы говорите, не имеет значения, профессор Пентекосте? Задаваясь этим вопросом, он признавал, что испытывает определенные затруднения в присутствии этой двадцатидвухлетней девушки с плавными движениями и кротким голосом, точно знавшей свое место. Значит, из-за мимики молодой студентки он потерял контроль над собой. Первый звоночек прозвенел еще за несколько недель до случая в туалете, когда он заметил, что во время лекции проводит взглядом по рядам, задерживаясь на каждом из студентов, кроме нее. Это его обеспокоило, поскольку бросало тень как на преподавателя: все еще не имеет значения, профессор Пентекосте? Так-таки и не имеет значения – скупить все шампуни, чтобы с третьего захода узнать, что ее волосы в тот день, когда они обсуждали рассказ о танцах, пахли не «Pantene», не «Garnier Ultra Dolce», а «Head&Shoulders»? Когда он это обнаружил, то так и застыл под душем, выдавливая шампунь капля за каплей. Вы уверены, что это не имеет значения, профессор Пентекосте?

Затем в то утро он выдал студентам самостоятельную работу минут на сорок. Некоторое время стоял на кафедре и наблюдал за галдящими студентами, обеспокоенными неожиданной проверочной: ему так захотелось стать одним из них – ухватиться за идею, из которой вырастет фраза, абзац, страница, еще страница, глава, еще глава и, наконец, целая книга. В действительности ему нечем было похвастаться: он постоянно задавался вопросом, как так вышло, что он, подвизавшийся на поприще литературы, так и не написал ничего стоящего: историю или хотя бы набросок, хоть коротенький рассказ – ничего. Набросав несколько черновиков, он оставил это дело и тешил свое самолюбие, слушая собственный голос в аудитории, мало-помалу убеждаясь, что этот звук, то бишь преподавание, и есть его роман. При этом он понимал, что не стоило связывать этот роман со студентами: они сводили на нет его вдохновение, для них-то любое упражнение могло перерасти в законченный рассказ. Чем дольше он стоял за кафедрой, тем четче вырисовывалась перспектива, что кому-нибудь из его студентов улыбнется удача – публикации, успех, может, его даже упомянут в благодарственной речи на вручении какой-нибудь премии: «Все это только благодаря Карло Пентекосте, спасибо, профессор!» Всякий раз, когда личные амбиции наступали на горло преподаванию, его донимала мигрень, в голове будто гудело; так было и тем утром, когда он вышел в коридор, выдав студентам задание. Он пристроился около кофейного автомата и сжал виски руками, дабы ослабить боль. Минут через десять он увидел, как София вышла из класса. Он поднялся, всматриваясь в фигурку у лестницы: видимо, она направлялась в вестибюль. Он пошел к ней, уже зная, что снова коснется ее спины. Приблизившись, он так и сделал, вновь нежно дотронувшись до памятного тепла.

– Что-то случилось?

Она не шелохнулась.

– Не выйдет из меня писательницы.

– Ты это поняла из-за самостоятельной работы?

– Нет, я всегда это знала.

– София... – он убрал от нее руку.

– Нужно просто посмотреть правде в глаза.

С этого момента он помнил все происходившее со странного ракурса, будто смотрел на все свысока: студентка не спеша спускается по лестнице, профессор, замерев на краю все той же лестницы, наблюдает за ней и поглаживает руку, которой касался ее минутой ранее. Он решает пойти следом, видит, как она направляется к туалету, мигрень все усиливается, трепещущий на шее пульс зашкаливает, накатывает приступ страха. Тот мужчина – не он, и все же это он – входит в туалет и видит студентку, которая стоит у рукомойника и смотрит на него.

– София, я все понимаю, – сказал он.

Она спустила воду и умыла лицо, прикрывая глаза костяшками пальцев, с которых капала вода, пока он не протянул ей бумажное полотенце. Карло дождался, когда она промокнет лицо, и положил руки ей на плечи. Нажав чуть сильнее, он почувствовал, как мнется ткань блузки

под его пальцами. Провел руками по спине, спросив, не докучает ли ей. Почти неуловимым жестом она дала понять, что все в порядке: он понял это по ее отражению в зеркале. Опустил руки еще ниже, обхватил талию ладонями. Потихоньку прислонился к ней, затем прижался крепче и наконец разглядел, как на ее лице зарождается удовольствие, которое прежде он лишь пытался представить. С этого момента он был не в состоянии четко описать, что произошло дальше. В женский туалет он вошел сам или его заманила она? Неловкие объятия. Такие уж и неловкие? С трудом сдерживаемое дыхание, она, льнувшая к нему с шепотом: «Не надо», и уста, их сплетенные уста, и, наконец, ее обмякшее тело.

Она соскользнула к его ногам, – София, – нагнувшись, он подхватил ее с запрокинутой головой, – София, – хорошенько потряс и прислонил к стене, лаская ее щеку, – София, эй! Вздрогнув, она пришла в себя, Карло помог ей встать на ноги. Обнявшись, разгоряченные, они прислонились к стене, переводя дух и выжидая. Он вывел ее наружу и только сейчас заметил, что дверь была приоткрыта. Перед тем как подойти к рукомойнику, чтобы намочить ей лоб, он хорошенько осмотрелся. Карло был в ярости из-за того, что упустил такой шанс. Шанс раздеть ее, стянуть трусики, спустить штаны и, сидя на унитазе, войти в нее, может, зажать ей рот, чтобы обуздать возбуждение. Это уязвило его. Он испытывал глухую досаду, что-то сродни тревожности. Тем временем София пришла в себя и робко улыбнулась отражению в зеркале.

– Не знаю, что со мной было, – прошептала она.

– Ничего, ничего не было, – пробормотал он, заметив, как она кивает в ответ, распуская и вновь собирая волосы. Подбравшись, чтобы окончательно прийти в себя, она сказала:

– Вернемся в класс.

Остальные детали ускользали от него даже теперь, на пьядца Дуомо, пока он наблюдал, как лебедка с двумя рабочими ползет вверх по зданию ратуши. Ему было тревожно. Он не только боялся, что Маргерита его изобличит, но и мучился от унижения, что не смог довести начатое до конца. Не смог трахнуть студентку, не смог потом притвориться, что ничего не было, ни перед ректором, ни перед отцом, ни перед Маргеритой, ни перед сестрой, ни перед кем бы то ни было – и только и делал, что оправдывался за то, чего по сути и не было.

Не упади она в обморок, он бы выдумал что-нибудь, чтобы ретироваться и сказать самому себе: я верный муж. Откуда он знал это? Уж откуда-то знал. Точь-в-точь как те парни с лебедкой на ратуше знали, что нужно прокручивать стальной трос, чтобы он не запутался во время подъема. Они цепляли ведро с жидким цементом на крючок, осторожно выравнивали его, а затем уже поднимали – без этой предусмотрительности трос бы запутался. Он внимательно наблюдал за ними – им могло быть как двадцать, так и пятьдесят лет: обожженная солнцем кожа, бандана с модным узлом на затылке. Запустив лебедку, уставшие и увлеченные, они ждали, вперив взгляд в небо, почти как дети, играющие с бульдозерами и самосвалами в песке. Он подумает о них перед сном – о бандане и обгоревшей коже, перед сном он всегда думал о вещах, которые его успокаивали. О Даниэле Букки с его прачечной, неторопливо сортировавшем белье перед стиркой, о сестре, о том, как она держит ребенка, стоя у плиты, о коллеге из редакции, который купил сервиз на фишки из супермаркета «Esserlunga». О Софии Казадеи – как она потирает руки, когда нервничает, и о том, что уж она-то нашла себя в жизни, не прилагая к этому усилий. Всякий раз, когда он вспоминал о ней перед сном, он думал и о Маргерите: с благодарностью смотрел на нее, свернувшуюся калачиком в постели, – темный силуэт с ровным дыханием. Он хотел любоваться Софией, а любовался женой, с горечью думая о том, чему не суждено сбыться. Ведь и этот спор можно было разрешить: «В сердце каждого мужчины и женщины таится Эдем, где нет места смерти и войнам, там дикие звери и олениа вместе резвятся в мире и согласии. Нужно только отыскать этот Рай». Теща подсунула ему томик Немировски с тканевой закладкой именно на этой странице: дикие звери и олениа вместе резвятся, нужно только отыскать этот рай.

Поднявшись со ступенек Дуомо, он посмотрел вверх – Мадонна казалась совсем крошечной. И тут на него снизошло понимание: весь внешний мир, с его событиями, реалиями и ходом истории, заслонило собой внутреннее время – со своими наваждениями, близкими отношениями, подлостями, словно за пределами собственной экосистемы все предметы куда-то улетучились. Он направился в сторону университета: ему было необходимо поговорить с ней в последний раз.

Засунув руки в карманы и опустив голову, он шел очень быстро. Оказавшись на месте, сквозь витрину рассмотрел парня за кассой и спину Софии среди толпы посетителей. Повертел телефон в руках – нужно было позвонить маме, чтобы обсудить обед в честь ее дня рождения, и ввести в курс дела коллегу из редакции по поводу сверстанных материалов. Отложив телефон, показался из-за витрины и стал выжидать, когда она его заметит.

Там, где он стоял, кусок брусчатки выбился из ряда, и он каблучком пытался вправить его обратно. За этим занятием его и застала София.

– Я не могу оставить Халилию одного.

– Я на минутку. – Он уставился на ее веснушки. – Мне нужно с тобой поговорить.

– О чем?

– Просто поговорить.

Однако она будто не слышала и без конца вертела ручку.

Он подошел ближе:

– Я прочитал твой рассказ.

– Зачем вы пришли? Зачем вы все сюда приходите?

– Кто это все?

– И потом, мне уже все равно, профессор. Хотя спасибо, что прочитали.

– Может, снова перейдем на ты?

– Мне нужно идти.

– София, – и сделал еще один шаг навстречу, – я поверил каждой строчке.

– Поверил?

– Авария, твоя мама, твои чувства. Хочу сказать, – набрав побольше воздуха, он продолжил: – Ты была настоящей.

– Я просто написала то, что помню.

– Правда в литературе – это именно то, что ты помнишь.

Пожилая женщина лет шестидесяти что-то искала в сумке и уронила на землю кошелек. София наблюдала за тем, как, подобрав его, женщина вошла в кафе.

– Профессор, ваша жена не следила за мной.

Некоторое время они стояли, не проронив ни слова. Университетский гомон опоясал их невидимым кольцом.

– А зачем ты это сказала?

– Не знаю.

Прочистив горло, он спросил:

– А если бы сегодня утром я начал выяснять отношения с женой?

– Ну, всплыла бы старая история.

– Старая история?

– Профессор, мне нужно идти.

Он коснулся ее руки:

– Старая история, говоришь?

– Да, старая история.

– В туалете ничего не было.

– Да?

– И это правда.

– Правда то, что ты помнишь, ведь так?

– А что ты помнишь? Ну, давай!

Она взглянула на него:

– Знаете, в день аварии мы с мамой поехали в церковь, где они с отцом поженились.

Это каменная церквушка Пьеве в Сантарканджело-ди-Романья. Место запущенное, внутри деревянный крест, солнечный свет ложится на него красивыми, почти серебряными бликами. Мама призналась, что вспоминает о Пьеве каждый раз, когда грустит. «Значит, сегодня тебе грустно?» – спросила я у мамы за рулем. Она промолчала. Уже какое-то время они с отцом не разговаривали, он спал этажом ниже, в квартире, когда-то принадлежавшей бабушке, а нам досталась квартира наверху. Ее прозвали «женским царством». Однажды вечером, увидев свет, я зашла к ней в комнату, она читала что-то, что отец написал ей когда-то очень давно: одна фраза на салфетке из бара «Филон», в котором они встречались перед работой, когда им было лет по двадцать. Она дала мне ее прочитать: «*A te dug me che t ci bula!*» На диалекте это значит «Ты – красивая, это говорю тебе я!». Знаете, что меня поразило больше всего? Восклицательный знак. Мой отец и восклицательные знаки – вещи несовместимые. Тогда я поняла, что они были счастливы. И в тот день, когда мы направлялись в место, где они поженились, на моих глазах мама в последний раз попыталась все вспомнить. Правда – это то, что мы помним, а мама стала все забывать. Она устала и, откинувшись на сиденье, стала напевать песню Ванони, потом я поняла, что это была «Помада и шоколад». Это последнее, что я помню о маме. Ванони и хриплый мамин голос. Остального не помню. Не помню, как подумала, что стану такой же, не помню, как вцепилась в руль в попытке выровнять машину. Не помню, нарочно ли она не справилась с управлением и выкрутила до предела руль, чтобы покончить раз и навсегда с этой грустью. Это не моя история. Как не моя история и преподаватель, лапавший меня за задницу.

Карло пинал ногой кусок брусчатки, из университета выходили студенты и шли им навстречу. Ему захотелось присесть, он присмотрел ограждение около тротуара. Сел и уставился на концы своих «оксфордов».

– Профессор, мне пора.

Он так и не поднял головы, догадавшись по звуку шагов и хлопнувшей двери, что она ушла.

Андреа провел с отцом в киоске остаток дня, мама отправилась домой пораньше на метро. Вечером Андреа попросил ключи от машины, припаркованной рядом. Когда он включил зажигание, отец забарабанил в стекло:

– Ты там поаккуратнее.

– Скажи маме, что запишешься на прием.

– Я же сказал, хватит об этом.

– Ты все-таки ей скажи, – и помахал рукой на прощание. – Машину верну вечером.

Контрактуры, от которых ему удалось избавиться отца, все еще ощущались на кончиках пальцев. Потерев руки, Андреа не спеша вел машину: минут за двадцать пять он наверняка покроет восемь километров, отделявших его от собаки. За рулем он ни о чем не думал, представлял, как направляется к южному выезду из Милана, или в Пьяченцу, или в Парму, или в Тоскану – он никогда еще не ездил дальше Флоренции.

По дороге ему не пришлось сбрасывать скорость. Кое-где туман еще стоял плотной стеной, и дом был едва виден. Припарковавшись у обочины, он открыл калитку и трижды постучал в дверь. Открывшая дверь девушка говорила по телефону, она пригласила его внутрь и сделала знак помолчать. Он очутился на кухне, из телевизора доносилась реклама, пахло сигаретами и лаком для ногтей, по коридору он прошел к двери, выходящей на задний двор. Дверь была приоткрыта, Андреа распахнул ее настежь и услышал собачий лай. Собака, становясь на задние лапы, так и норовила сорваться с цепи.

– Эй, Цезарь, тихо, не балуй!

Но дог не унимался.

– Тихо, я сказал!

– Он весь день не в себе. – Девушка вышла на порог с сигаретой в руках, ее ногти алели свежим маникюром.

– Это из-за тумана.

– Подойди к нему.

– Не стоит.

Андреа присел на корточки, пес успокоился и подошел. Тот его погладил.

– Кажется, ему занесли инфекцию, – сказала девушка и зашла в дом.

Андреа осмотрел лапу дога: след от укуса еще не затянулся. Однако его больше встревожила припухлость на левом боку. Он провел по ней рукой, затем положил ладонь и слегка надавил:

– Тихо, Цезарь, тихо.

Пес его послушался, и Андреа смог обследовать его мышцы и кости. Он знал, что животные прячут свои хвори лучше, чем люди. Тихое поведение – вот что его настораживало. Рассказывая о том, как прошел его день, – полдня, проведенных с отцом, который прогулял прием к врачу, чтобы сходить в парк, совсем как Цезарь, – он внимательно осмотрел лапы пса. Ты в парк хочешь, Цезарь? Хочешь, а? Завтра ходим. А сейчас будь хорошим мальчиком и лежи спокойно, он погладил его до самого хвоста – обрубленной запятой, – коснулся брюха, и тут пес отскочил, Андреа позвал его и продолжил аккуратно ощупывать. Поднял больную лапу, затем поставил ее на землю – она плохо держала вес. Возможно, все кончено, и от Цезаря отстанут. Перед тем как еще раз осмотреть лапу, он поднял голову и увидел, что туман окутал их со всех сторон.

– Не бойся, иди сюда.

Пес беспокойно завертелся – двор наполнялся людьми.

– Как он? – спросили у Андреа.

Не глядя на них, Андреа ответил:

– Он не готов. Цезарь не сможет больше драться.

– Что значит не готов?

– У него тендинит, воспаление.

– А что значит «не сможет больше драться»?

– Проблемы с лапой.

– Вы слышали, что сказал господин врач?

– Джулио, перестань, – девушка обернулась к своему брату, тридцатилетнему типу с гладковыбритыми щеками и зализанными волосами, под клетчатой рубашкой которого виднелись покатые плечи.

Андреа все это время гладил пса.

– Вы же говорили, что сегодня привезете другую собаку.

– Да есть одна – там, в машине. Овчарка, но так – стремная.

«Стремная» для них означало, что собака, скорее всего, трусовата. Даже Андреа научился это определять: растопыренные лапы, умоляющий взгляд, визг после первого укуса, попытки накинуться на хозяина по дороге на ринг.

В общем, так вели себя животные, подпорченные безоблачным прошлым.

– Сейчас проверим, – брат девушки зашел в дом, вышел с деревянной палкой и помахал перед догом. Вцепившись в палку, пес принялся ее вырывать, ему мешала цепь, но он и не думал ослаблять хватку.

– Эй, эй! Спокойно, спокойно!

– Да готов он, готов, – отозвались остальные.

Уставившись на девушку, Андреа поднялся на ноги. Он узнал о собачьих боях год назад, когда она попросила у брата разрешения привести и его: так майским вечером он впервые попал в Кьяравалле. Дог против дога, один из хозяев прервал бой – его псу сильно повредили лапу, собак растащили, деньги потерял не только хозяин, но и кое-кто из зрителей. На ринге остались три кровавые дорожки. Андреа почувствовал изнеможение. Израненная плоть, насилие – вернувшись домой, он лег в кровать и так и не смог уснуть.

– Цезарь не будет драться. Его нужно лечить, так он скорее придет в форму.

Андреа повернулся к девушке.

– После боя, – ответили ему.

Когда они познакомились – на вечеринке «Prozac+» в «Магнолии», – у нее уже был Цезарь. Дога принес домой ее брат.

Он был послушным щенком, потом все внезапно изменилось: его стало опасно держать не только дома, но и во дворе. На девушку Цезарь бросился только раз, злобно зарычав, когда та сделала резкое движение, повернувшись перед его мордой; к счастью, он был на цепи. Бросался Цезарь и на брата. Они держали его в старом доме, кормили по очереди; когда получалось, за ним присматривал и Андреа. Он догадался, что пес так реагирует на резкие движения и занесенную над мордой палку. Девушка говорила, что любит Цезаря и *таким*; кстати, *таким* она любила и Андреа. Это только все усложняло.

Андреа подошел к Цезарю и схватился за конец палки, торчавшей из собачьей пасти.

– Ну же, брось ее. – И вытащил палку. – Не трогайте его.

– Пусть попробует в последний раз, – сказала девушка. – Слышишь, Андреа, в последний.

– Что это еще за новости? Какой последний раз? – встрял ее брат.

– В последний раз, – повторила она. – Если он ни на что не годится, сам же будешь ныть, что выбросил деньги на ветер.

– Ладно, – согласился брат и дал знак спустить пса с цепи. – Сегодня увидим.

Андреа выпустил палку из рук, отошел в сторону и стал ждать, пока брат девушки надеет на собаку поводок, – однако у него ничего не вышло. Девушка присела на корточки и попыталась успокоить пса.

– Андреа, – позвала она, – попробуй ты.

Но он лишь отошел на несколько шагов.

– Ну, шевели задницей, – прикрикнул брат. – Давай уже.

Андреа зашел в дом, прошел на кухню и сел на диван. Потертые подушки, запах старья, продавленный диван – здесь он признался девушке, что ему довольно и ласки, на большее он не способен ни с ней, ни с другой. Уткнулся затылком в углубление спинки.

Когда она вошла, Андреа уставился в потолок.

– Цезарь там с ума сходит. Можешь подойти?

Он покачал головой, и девушка застыла как вкопанная – фигура, сотканная из нитей, с распущенными по плечам волосами.

– Мой брат, конечно, сволочь, но он хорошо к тебе относится.

– Он опять его избил, у него весь бок вспух.

– Это было давно.

– Он опять его избил, – он взглянул на нее, затем прикрыл глаза. Как же он устал.

Девушка присела рядом и провела рукой по его ноге, затем ущипнула и улыбнулась:

– Получим деньги и съездим на море дня на три. Только ты и я.

– На что?

– На море! Это же классно.

– Значит, будем продолжать? – Андреа встал с дивана, прошел по коридору и открыл дверь на задний двор. Увидел, что остальные, сбившись в кучу, курят в углу. Подошел к собаке, цепь позвякивала, как колокольчик. – Цезарь, иди сюда.

Дог залаял и не сдвинулся с места, залаял снова и, как только Андреа приблизился, резко дернулся.

– Спокойно, это же я.

– Он просто взбесился, – прокомментировал брат.

– Иди сюда, Цезарь, это же я. – Присев на корточки, Андреа протянул к нему руку, дождался, пока пес подойдет и обнюхает его, затем потрепал дога сначала по шее, потом по голове. – Эй, дружище!

Когда, произнеся это, он убрал руку, дог вцепился в нее зубами. Девушка закричала, и остальные кинулись в сторону дома с палками в руках.

– Андрé, Андрé!

– Все в порядке, – Андреа посмотрел на ладонь: на месте укуса между большим и указательным пальцем зияла дыра, из которой хлестала кровь. – Не трогайте его, все в порядке.

Андреа оттащили подальше, девушка сбегала в дом за тряпками и перекисью.

– Не шевелись, дай посмотрю.

Она промыла и перевязала рану.

– Моя работа... – пробормотал он.

– Не волнуйся.

– Моя работа... Что теперь будет?

Пошевелил большим пальцем, затем указательным – боль была терпимой.

– Что теперь будет?

– Сейчас отвезем тебя в больницу.

Однако он, сжав тряпки, заторопился внутрь; футболка и штаны были в крови и грязи. Войдя в туалет, Андреа открыл кран с холодной водой. Подставил рану под струю – собака прокусила руку в двух местах, – осторожно ощупал место укуса: сухожилия и фаланги в порядке, а вот приводящая мышца большого пальца – нет. Пока кровь капля за каплей стекала, образующая черную лужицу, Андреа шевелил пальцами, сначала каждым по отдельности, затем всеми вместе.

– Поехали в больницу, – сказала девушка. – Не упрямясь!

– Делай, как тебе велят, – отозвался брат с порога туалета. – Вот долбаная собака! Весь вечер угробила.

– Ты избил его. – Андреа убрал руку из-под крана и двинулся на него: – У него весь бок раздуло.

– Эй ты, защитничек животных, ты ж первый...

– Ты избил его.

– Ты ж первый кайфуешь от этого. Что, не так?

Оттолкнув его, Андреа прошел к холодильнику, нашел в морозилке мясо для Цезаря, обернул в тряпку и приложил к ране. Присел на стол и попросил девушку:

– Прогони их!

– Они отвезут тебя в Сан-Донато.

– Пожалуйста, прогони их, – и поднял руку над головой; кровь почти остановилась. – Прогони их!

Послушавшись, она попросила всех уйти. Никто не проронил ни звука, затем брат сказал, что сегодня они выставят на ринг овчарку, сидевшую в багажнике. Когда компания прошествовала мимо, Андреа, смотревший в сторону, услышал:

– Как ты достал уже всех!

Ладонь стала фиолетовой, кровь уже не била фонтаном, девушка принесла новую тряпку и наблюдала за ним, не говоря ни слова. Тут он поднялся.

– Ты куда?

Он не ответил.

– Ты куда?

Он шел изгонять своих демонов.

Двор виднелся свинцовым квадратом, туман еще не рассеялся, Цезарь притаился под навесом. Он трусил из одного конца двора в другой, цепь, отражавшая свет уличного фонаря, змеей тянулась за ним следом.

Андреа стянул с себя окровавленную майку, обнажив рельефные мышцы плеч, спины, торса и белую кожу. Наклонился, спрятал раненую руку под ногой и приготовился ждать. Дог подошел. Поначало только дышал сквозь сжатые челюсти, затем залаял.

– Иди сюда, дружище.

Девушка отпрянула назад, взяла в руки палку и замерла.

– Иди же, Цезарь, дружище.

Дог, припадая на большую лапу, обошел двор по периметру и остановился посередине. Приблизился и застыл в нескольких сантиметрах от Андреа. Тот задрожал и протянул к нему здоровую руку, Цезарь ее обнюхал, и Андреа принялся рассказывать, что ему было совсем не больно и лучше бы дог покусал Джулио, им нужно обязательно договориться и вдвоем покусать Джулио, а, Цезарь? Он же не против? Он же не против, если они договорятся и на неделе хорошенько проучат этого Джулио? Затем потрепал его по шее и туловищу до самого хвоста. Он гладил его до тех пор, пока ему не полегчало. Цезарь, шумно дыша, посмотрел на него и сел, будто в ожидании кормежки. Андреа пообещал, что скоро навестит его, и осторожно поднялся. Затем шагнул назад в разделившую их туманную дымку.

– Ты ненормальный, – сказала девушка, когда они возвращались в дом.

– Мне нужно вернуть машину отцу.

– Я тебя провожу.

После паузы продолжила:

– Сегодня переночую у тебя.

Ладонь еще кровила, и боль не утихала.

– Не надо, справлюсь сам.

Она опустила руки:

– Ну, как хочешь.

Девушка села за стол и уставилась на клеенчатую скатерть.

– Кристина.

– Прививку от бешенства ему делали, – сказала она, не отводя взгляда от поверхности стола.

– Кристина! – он натянул перепачканную футболку и подошел к ней. Девушка отодвинулась.

– Не отключай хоть телефон.

Андреа поцеловал ее в щеку, немного подождал чего-то – он сам не знал чего, – а затем ушел.

В такие вечера ему ее не доставало. Он лежал на кровати в своей двушке на виа Порпора, обнимал вторую подушку, устроив на ней укушенную руку, пощипывал наволочку и представлял, что она рядом, – это успокаивало. Кристина заставляла его почувствовать себя тем, кем он не мог стать. Какое-то время он следовал за ней, куда бы ее ни тянуло, особенно после развода родителей: в магазины подержанных вещей, на море, в Лондон – они были на стадионе «Уэмбли» и рассказывали друг другу разные глупости. Вместе им было спокойно. Он это осознал на диване в том старом доме: после того как она его раздела и он предоставил ей свободу действий; после того как они переспали и Кристина спросила, чего он хочет от жизни. Он ответил, что хочет собственный физиокабинет. Она внимательно на него посмотрела и снова задала свой вопрос. Он замолчал и ничего не ответил.

– Ты что, педик? – однажды услышал он в свой адрес.

Массируя большие грудные мышцы и квадрицепсы, широкие спины и мощные плечи, он старался не думать об этом. Педик. Кристина не давала ему посмотреть правде в глаза. Поэтому он и не позволил ей этой ночью остаться у него: с ней он бы не смог обдумать то, как укус Цезаря отразится на работе. Утром он снял повязку и обнажил рану: она была свежей и при малейшем движении начинала кровить, рука распухла. Обработав место укуса, он тщательно забинтовал запястье. С трудом побрился, съел йогурт и принял обезболивающее, запив таблетку апельсиновым соком из бутылки. Его знобило, голова гудела, и ломало кости. Он медленно оделся, сложил в рюкзак рабочую одежду: штаны и футболку. Спустился с третьего этажа и вышел на холод. Нырив в метро, он думал о том, нашел ли отец ключи от машины в почтовом ящике, посмотрел на телефон и успокоился – отец не звонил. Отправил сообщение Кристине: «Мне лучше, иду на работу».

По пути он думал, что скажет в «ФизиоЛаб». Он мог бы заняться аппаратным лечением, отложив на время полноценные сеансы, или же перейти в тренажерный зал. Девушки-администраторы заохали, как только он вошел в здание на виа Капуччини, 6. Андреа объяснил, что порезался дома. Через зал ожидания направился в раздевалку, и тут его окликнули. Обернувшись, он увидел в кресле Маргериту.

Она поднялась:

– Сегодня я вовремя. Представляешь?

Он не сдвинулся с места, только показал перевязанную руку.

– Боже, что случилось?

– Порезался.

– Ты был у врача?

С усталым видом он кивнул.

– Не стоило тебе сегодня выходить на работу.

– Не стоило.

Андреа опустил голову, Маргерите показалось, что он ей доверяет. Наконец-то она увидела его в истинном свете. Был ли он в ее глазах мальчишкой? Отнюдь. Перед ней стоял взрослый мужчина, казавшийся старше своих лет, только на сей раз в минуту слабости. Проснувшись этим утром, она решила покончить со своими сомнениями, ей хотелось поверить мужу – в конце концов, у нее было на это полное право, после того как она весь вечер провела, составляя хитроумный план по покупке слишком дорогой для них квартиры. Она рано пошла в кровать и долго пролежала без сна. Когда пришел муж, она спросила, счастлив ли он. Свет уже не горел, темнота им не мешала. Маргерита почувствовала, как тень Карло, опустив затылок на изголовье, ответила:

– Кажется, да.

Это *кажется* было правильным словом. Она любила его именно за это, потому что ей тоже *казалось*. Быть ни в чем не уверенными и вместе плыть по течению – брак, дорогое жилье, престижная работа – в этой кровати, которая уже давно дала течь, сколько других тел, а, Карло? Сколько упущенных возможностей? Сколько студенток и физиотерапевтов? Сколько начатых и незаконченных книг? Сколько? Так они и лежали в тишине, пока не заснули. Перед тем как погрузиться в сон, она думала об отце, а вот о чем думал он – неизвестно.

Когда Андреа вышел из раздевалки, Маргерита проследила за ним взглядом, они кивнули друг другу, затем он прошел на стойку регистрации, поболтал с девушками и скрылся во врачебном кабинете, где ее осматривали в первый раз. Через четверть часа он еще не освободился, а она уже и так на сорок минут выпала из графика. Проинформировав об этом администраторов, она сказала, что подождет на улице. Прислонившись к стене здания, Маргерита пробежала глазами список встреч, назначенных на сегодня. Придется перенести Буццати – нужно предупредить маму. Пролистав блокнот, она прикинула, когда можно будет связаться с хозяйкой квартиры на корсо Конкордия. Она планировала названивать ей регулярно, чтобы

ставить в известность обо всех потенциальных покупателях, исчезавших в никуда из-за слишком высокой цены. Она бы помариновала ее чередой надежд и разочарований, не доводя до уныния, и постаралась бы еще крепче с ней сдружиться. Маргерита принялась намечать липовые показы в ежедневнике, затем увидела Андреа, шагавшего ей навстречу. Приблизившись, он извинился и сказал, что сегодня ею займется другой парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.